

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 297.1

DOI: 10.21779/2500-1930-2019-34-3-127-134

Д.А. Гусенова

Религиозное образование в зеркале Всероссийского исламоведческого форума «Ислам и исламоведение в современной России»¹

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; gusenowa03111978@yandex.ru*

Всероссийский исламоведческий форум «Ислам и исламоведение в современной России», организованный Дагестанским государственным университетом совместно с Институтом философии Российской академии наук, Министерством по национальной политике и делам религий Республики Дагестан, а также Общественной палатой Республики Дагестан при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Проект № 19-011-20116), состоялся 27–28 сентября 2019 года в г. Махачкале. Он был приурочен также к 10-летию научного журнала «Исламоведение». Проблематика форума привлекла внимание более 150 участников из различных регионов России и стран ближнего и дальнего зарубежья. Форум проводился в целях определения современного состояния исламоведения в России и мире в целом, привлечения научного интереса к проблемам исламоведения, а также поддержки профессиональных связей и научного взаимодействия между исследователями и исследовательскими группами России и зарубежья. Среди основных направлений работы форума отметим: мировоззрение и философия ислама, догматика и культ ислама, ислам и суфизм, ислам и культура, ислам в современном мире и России, ислам и политические процессы в мире и России, социология и антропология ислама, ислам и общество, исламское образование в России.

Ключевые слова: *религиозное образование, светское образование, ислам, медресе, примечетские школы.*

В условиях современной российской действительности возникла проблема исламского образования. Об общих проблемах его развития высказался в своём докладе М.Ф. Муртазин, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, к. филос. н. Он отметил, что на фоне возрастающего влияния религиозного фактора и острых противоречий между течениями, проявившихся не только в религиозной практике, но и в области просвещения и образования, вопрос о том, «каким будет религиозное образование, находится в сфере интересов не только самих религиозных организаций, но и государственных структур и различных слоев общества на постсоветском пространстве» [7, с. 437].

Муртазин М.Ф. обращает внимание на то, что Президент РФ В.В. Путин «постоянно делает акцент на необходимость развития богословского исламского образования в России, о чем он с неизменной регулярностью, в частности в 2013, 2015, 2018 гг., говорит руководителям духовных управлений нашей страны» [7, с. 438].

¹ Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Проект № 19-011-20116).

Развитию религиозного образования с конца 80-х гг. ХХ в. способствовал, по мнению автора, ряд причин: 1) пробуждение интереса у мусульман к изучению религиозных обрядов, арабского языка, Корана, истории ислама привело к открытию многочисленных богословских учебных заведений; 2) существенные финансовые и материальные вложения в создание и развитие исламских учебных заведений со стороны зарубежных исламских организаций; 3) нарастающая потребность в кадрах профессиональных мусульманских священнослужителей [7, с. 438].

Сам процесс развития религиозного образования, по мнению Муртазина М.Ф., протекал в двух основных направлениях: создание исламских учебных заведений как официальными ДУМ, так и частными лицами, и хронологически условно делился на три этапа:

1) 1990–1995 гг. – резкий подъем, инициированный как самими мусульманскими священнослужителями, так и светскими активистами ввиду острой нехватки кадрового потенциала;

2) 1995–2000 гг. – сформировались самые простые формы исламского образования в виде вечерних курсов по изучению Корана, основ ислама, арабского языка, воскресные школы для детей и взрослых, которые действовали при мечетях. Параллельно с этим создавались полупрофессиональные средние учебные заведения (медине) различного уровня, в которых обучались дети, начиная с 12–14 лет. При этом они одновременно учились в государственных общеобразовательных школах [7, с. 439].

3) 2000-х гг. – настоящее время – сформировались и закрепились формы исламских учебных заведений, которые реализовали свои образовательные программы: а) независимо от государственных образовательных стандартов и под общим титулом «религиозное образование», содержание которого определяли сами религиозные организации; б) в рамках реализации государственных образовательных стандартов, имеющих религиозную направленность: «Теология» (РФ, Азербайджан), «Исламоведение» (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан), с превалированием светских дисциплин. К примеру, Бакинский теологический институт, Египетский университет исламской культуры «Нур-Мубарак» в Астане, Ташкентский исламский университет, Таджикский государственный исламский институт.

В своём докладе Муртазин М.Ф. предложил разделить исламские религиозные учебные заведения в соответствии с уровнем религиозных знаний: 1) *начальные/просветительские учебные заведения*, по принципу воскресных курсов-мектебов; 2) *средние учебные заведения-медине*, в которых программа обучения была рассчитана на несколько лет – от 3 до 7; 3) *высшие учебные заведения*, в содержательном плане идентичные медине.

По количеству исламских вузов среди постсоветских государств лидирует Россия: «На апрель 2018 года, по сведениям Министерства юстиции, зарегистрировано 78 мусульманских учебных заведений, из них 25 считаются высшими, а 53 относятся к средним учебным заведениям-медине. <...> Исламские образовательные учреждения географически можно разделить на две большие группы. Более многочисленная из них относится к региону Северного Кавказа: 11 высших, в т. ч. в Дагестане – 6, Чечне – 2, Ингушетии – 2, Кабардино-Балкарии – 1; 27 средних, в т. ч. в Дагестане – 13, Чечне – 13, Ингушетии – 1. Вторую группу составляют учебные заведения, находящиеся в Поволжье, Урале, Сибири и центральной части России: 5 высших, 24 средних» [7, с. 439].

Созданный в 2010 г. Совет по исламскому образованию (СИО) при поддержке Министерства образования и науки подготовил большое количество учебников и учеб-

ных пособий, разработал Концепцию развития исламского образования в России, но реальной унификации образовательных стандартов и программ исламского образования на всем исламском образовательном пространстве не добился. В Азербайджане исламское образование находится под надзором Управления мусульман Кавказа. Наиболее крупными религиозными образовательными учреждениями являются Бакинский исламский университет и три медресе: женское медресе «Шабнам» в Баку, медресе в Шеки и медресе в Закаталах.

В Казахстане в 2016 г. насчитывалось 99 исламских учебных заведений, большинство из которых являются начальными и средними учебными заведениями по типу медресе.

В Киргизии, по данным ДУМ Киргизии, насчитывается «92 религиозных учебных заведения, в числе которых представлены 73 медресе, 8 институтов и 1 Киргизский исламский университет. В 2013 году была утверждена единая образовательная программа высшего (4 года), среднего (3 года), начального (2 года) религиозного образования, а также программа обучения на курсах по заучиванию Корана (3 года)» [7, с. 442].

В Таджикистане, по данным статистики, озвученным президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном, в республике действуют 6 медресе, 1 гимназия и 1 исламский институт, в которых, по сообщениям СМИ, в 2017 году сокращается набор студентов.

Исламское образование в Туркменистане практически отсутствует из-за жесткого контроля властей.

В Узбекистане в настоящее время работает 9 средних исламских образовательных учреждений типа медресе, а также 2 высших религиозных: медресе Мир-Араб, Ташкентский исламский институт имени имама Аль-Бухари».

В заключение автор резюмирует, что интерес к исламу «прошел свой пик активности» и что современные исламские образовательные учреждения не смогли реформировать исламское образование и добиться значимых достижений в этой сфере, однако задача подготовки кадров «не теряет своей актуальности, и ее реализация будет развиваться на основании той внутренней политики, которой будет придерживаться государство в отношении ислама» [7, с. 444].

Министр по национальной политике и делам религий Дагестана Энрик Муслимов в своем докладе углубился в эту проблему, рассказав об исламском образовании в Дагестане, в частности о современном его состоянии и перспективах развития. Он отметил, что в Дагестане на сегодняшний день существует множество религиозных учебных заведений, и жители республики могут получать богословское образование на родине. По сведениям на август 2019 г., полученным из МО и ГО РД, из числа прошедших обучение за границей 524 человека имеют намерение посвятить себя профессиональной религиозной деятельности, а в 2000 г. таких лиц было в 2 раза больше [8, с. 428]. Таким образом, количество выезжающих за рубеж для получения религиозного образования сократилось. Министр напомнил также, что в настоящее время на территории республики функционируют 6 исламских высших образовательных организаций, в которых обучаются 917 человек, 15 медресе с числом учащихся 955 человек. Совместно с Муфтиятом РД в целях систематизации структуры религиозной образовательной сферы и повышения качества самого образования сформирована структура исламского образования, состоящая из трех ступеней: начальной (мактабы), средней профессиональной (медресе) и высшей (исламские университеты и институты). Все медресе, получившие лицензии, уточнил министр, «работают по учебному плану, составленному на русском языке и утвержденному учредителем – Муфтиятом Республики Дагестан, и осуществляют

ляют образовательную деятельность в соответствии с учебной программой, состоящей на 40 % из светского и на 60 % из религиозного компонентов» [8, с. 427]. В высших религиозных учебных заведениях введены такие дисциплины, как педагогика, психология, законы государства о религии, компьютерные и информационные технологии, дисциплины по межконфессиональному диалогу и др. Повсеместно преподавателями светских дисциплин являются выпускники государственных вузов, а религиозных – выпускники религиозных вузов республики, в отдельных случаях прошедшие подготовку и за рубежом.

Муслимов Э. отметил также неравномерное и непропорциональное (в зависимости от численности населения) территориальное расположение исламских образовательных учреждений: «Горный территориальный округ – 7 медресе при 14 % жителей от всего населения республики; Южный территориальный округ – 1 вуз и 1 медресе (20 % жителей); Северный территориальный округ – 1 вуз и 3 медресе (20 % жителей); Центральный территориальный округ – 4 вуза и 4 медресе (46 % жителей)» [8, с. 427].

Проблемой остается и трудоустройство выпускников исламских учебных заведений, в связи с чем многие из них стремятся получить образование и в государственных вузах. В принципе, реализация госпрограммы РД «Взаимодействие с религиозными организациями и их государственная поддержка на 2017–2019 годы», предусматривающие получение в рамках религиозных учебных заведений и дополнительной рабочей специальности, должна решить эту проблему, резюмирует докладчик. Важным направлением видится Э. Мусимову и развитие теологического образования в России, он напомнил, что ещё в 2015 году теологию выделили как научную специальность (26.00.01 Теология), следовательно, это дает возможность защищать кандидатские и докторские степени по данному направлению в нашей стране [10]. В Дагестане три вуза реализуют это направление подготовки, однако только Дагестанский гуманитарный институт (ДГИ) имеет государственную аккредитацию по направлениям бакалавриата и магистратуры по теологии и, следовательно, выдает выпускникам дипломы государственного образца.

Аналогичную научную проблему затронул и ректор Тульской духовной семинарии Московского Патриархата РПЦ игумен Евфимий (Моисеев). В своём докладе «Светское религиозное образование – феномен секулярного общества» он отметил, что развитие светского религиозного образования, которое является важным проявлением принципа синтеза традиций и инноваций, позволит вернуть российское гуманитарное образование к его духовным основам, будет способствовать формированию у граждан России целостного мировоззрения, немыслимого без учета религиозного фактора. Ректор проинформировал присутствующих о том, что с 2012 года духовные учебные заведения Русской Православной Церкви перешли на преподавание по Болонской системе (бакалавриат, магистратура, аспирантура).

«Единственным духовным учебным заведением Русской Православной Церкви, где на постоянной основе ведется изучение ислама, является Казанская духовная семинария, в которой мне довелось трудиться с 2014 по 2019 гг. В 2016 году в Казанской православной духовной семинарии была создана кафедра исламоведения, которую возглавил митрополит Казанский и Татарстанский Феофан, член группы стратегического видения «Россия – исламский мир», сопредседатель совместной российско-иранской комиссии по диалогу «Православие – ислам». В настоящее время ведется работа по возрождению Казанской духовной академии, одним из основных направлений деятель-

ности которой до революции, как известно, было исследование ислама» [3, с. 434], – отметил он в своём выступлении.

Православный Свято-Тихоновский богословский институт (впоследствии – гуманитарный университет), открывшийся в 1994 году в Москве, является первым высшим учебным заведением, вставшим на путь формирования нового направления – «светского религиозного образования», что несколько непривычно по звучанию для нашего слуха и сегодня.

В числе особенностей этого направления докладчик выделил: 1) ориентацию на верующих мирян, не являющихся священнослужителями; 2) высшее религиозное образование для всех желающих вне зависимости от их религиозных взглядов и конфессиональной принадлежности.

Главной целью конфессиональных учебных заведений (семинарий, академий, медресе, иешив и пр.) игумен Евфимий видит подготовку «священнослужителей, ответственных за духовное окормление верующих» [3, с. 434] людьми, пришедшими в вуз глубоко верующими, с религиозным сознанием. В светские же вузы приходят люди разных вероисповеданий и с разной степенью религиозности.

Задачей выпускников кафедр теологии является изучение опыта «всех традиционных конфессий для поддержания межнационального и межрелигиозного мира в стране» [3, с. 434], они должны стать посредниками в контактах между конфессиями и обществом. Потому, отмечает автор, государству и обществу необходимо формировать своего рода заказ на таких специалистов. Свидетельством понимания важности данной задачи является нарастание количества кафедр теологии, открываемых на базе вузов. Но по-прежнему существуют проблемы низкой мотивации студентов, отсутствия соответствующей учебно-методической базы, базового образования у подавляющего большинства абитуриентов и т. д. Игумен Евфимий напомнил, что в качестве общероссийской площадки для решения подобных вопросов в январе 2018 года была учреждена Научно-образовательная теологическая ассоциация (сокращенно НОТА).

Вызывает интерес и исследование, проведённое Галиевой Г.И. из Казани, основанное на результатах социологических опросов. В своём докладе она раскрывает проблему выбора образовательных стратегий мусульманок, для которых, наряду со светским образованием, в приоритете остаются получение религиозного образования, а также создание семьи, рождение детей, «в связи с чем у одних происходит обрыв получения образования, у других утихают стремления в получении высшего образования» [1, с. 452]. В категориальном плане автор опирается на определение понятия «образовательная стратегия», предложенное Зaborовой Е.И., под которой понимается линия поведения, которая является «следствием принятия стратегического решения, выбора, который совершил обучающийся» [5, с. 107].

Сама проблема увязывается автором с модернизацией современного образования и социальной насыщенностью статуса современной мусульманки – процесса, названного «тихой революцией 21 века» [6]. Несмотря на то, что «ислам всегда придавал большое значение стремлению к знаниям, получению хорошего образования» [1, с. 453] и в целом не запрещал женщине трудиться на благо общества, религия, тем не менее, оставляет приоритетом выполнение ею именно домашних обязанностей, воспитание детей и т. д., что «заметно усложняет самореализацию мусульманки в трудовой сфере» [1, с. 453]. Таким образом, путь мусульманки «нагромождается» необходимостью балансировать между предписанными обязанностями и стремлением к знаниям и личностному росту.

Проблема обостряется ещё и тем, что существуют навязанные СМИ образы мусульманок в хиджабах как «забитых, ущемленных в правах женщин либо как загипнотизированных смертниц» [11, с. 102]. Социальной эта проблема становится при трудоустройстве и получении светского образования, в особенности когда речь идёт о так называемых немусульманских регионах России. Галиева Г.И. представила в своём докладе результаты пилотажного и качественного исследований, проведённых в Республике Татарстан среди молодых мусульманок: 43 глубинных интервью в медресе, мечетях, исламских университетах. Опрошенными были общественно активные женщины. Они могут «водить машину (92,6 %), пользоваться услугами косметолога (83,8 %), следить за своей фигурой (97,3 %), следить за последней модой (71,7 %), производить не только ремонт одежды (91,8 %), а в некоторых случаях и ремонт жилища, техники (35,3 %)» [1, с. 454]. Большинство опрошенных (76 %) не испытывали трудностей в получении светского образования, 17,5 % затруднились с ответом, и лишь 6,5 % высказались о наличии проблем в плане получения образования [1, с. 453].

Тем не менее, опрошенные респонденты по-разному относились к возможности совмещать семейные обязанности с саморазвитием: у кого-то это получалось, а у кого-то нет. Зачастую препятствием получения светского образования становился ранний брак и соответственно раннее материнство (№ 31, ср. обр., 40 лет, русская; № 33, ср. религ. обр., 36 лет, татарка) [1, с. 454], совмещённые с плохим уровнем школьной подготовки (№ 34, ср.-спец. обр., 35 лет, татарка), слабой мотивацией к самореализации (№ 35, ср.-проф. обр., 35 лет, русская; № 15, ср.-проф. обр., 45 лет, татарка), семейными традициями (№ 32, ср.-спец. обр., 46 лет, татарка) [1, с. 454].

Автор уточняет, что в трудовой деятельности мусульманки выбирают отрасли, сводящие к минимуму контакты с противоположным полом, и потому среди специальностей, полученных или получаемых ими на момент интервью, лидирующие позиции занимают медицинское, педагогическое и экономическое направления. Чуть больше четверти респондентов имеют высшее образование – 26,9 %, а незаконченное высшее – 23,7 %. Малая доля тех, кто трудится по специальности (11,5 %). По результатам исследования Галиева Г.И. приходит к оптимистичному выводу, что если некоторые и хотят быть домохозяйками, то не на всю жизнь, а лишь на время воспитания маленьких детей. Современные мусульманки Татарстана принимают сознательные и рациональные решения, касающиеся своего образования на долгосрочную перспективу [1, с. 456].

Другой аспект проблемы – это образ мусульманина с позиции молодого поколения, которому предстоит жить и творить в стране, опираясь на собственное восприятие инаковости, поскольку зачастую конфликты между представителями различных конфессий носят субъективный характер, опирающийся на представления конфликтующих сторон о своей и чужой религии. Проблема образа как информационной модели, используемой человеком для регуляции своей жизнедеятельности, исследовалась Еникеевым М.И. [5] и А.Н. Леонтьевым [6]. Доклад «Исследование образа мусульманина и православного у студентов Махачкалы и Самары» Гусевой Е.С. и Султанахмедовой З.Г. отчасти освещает эту проблему на основе эмпирических исследований «особенностей восприятия студентами г. Самары и г. Махачкалы исламского и православного вероисповедания» [2, с. 459].

Исследование проводилось с использованием анкеты, неоконченные формулировки которой необходимо было дополнить. В качестве респондентов выступали мусульмане-мигранты, приехавшие в Центральную Россию из Центрально-Азиатского и Кавказского регионов. Выборку составили 289 студентов (от 17 до 30 лет): 160 – Са-

марского государственного университета и 129 – Дагестанского государственного университета. При этом в СГУ верующими себя назвали 85 человек (51 %), а в ДГУ – 108 человек (84 %).

Примечательно, что в 50 % случаев упоминания обучающимися мусульман в негативном ключе «никто из данных респондентов не назвал в качестве источника знаний об этом стереотипе личный опыт» [2, с. 459], они лишь «сталкивались с подобными суждениями в Интернете» [2, с. 459].

В ходе исследования «самарская группа студентов» отметила основные различия в религиозных мировоззрениях мусульман и православных (25 %), а также в обрядах и ритуалах (42,5 %). И, напротив, больше половины респондентов каждой подгруппы в качестве объединяющего фактора в отношениях мусульман и православных обозначили в различных вариациях «наличия веры в Бога»: «один и тот же Бог», «единобожие» либо то, что «наличествует вера во что-то высшее, сверхъестественное» [2, с. 464]. При этом 14,5 % респондентов из «православной» подгруппы указали в качестве схожих черт проявление «высокой нравственности, почитание религиозных заповедей» [2, с. 459].

В качестве отличий друг от друга представителей двух испытуемых групп более 40 % представителей ДГУ указали разницу в религиозном мировоззрении. А в качестве объединяющего фактора выступает, по их мнению, наличие веры (более 50 % в подгруппе «верующих» и 70 % в подгруппе «атеистов» или «верующих «сам по себе»). При этом 21,6 % мусульман затруднились при ответе.

Обобщая результаты эмпирических исследований, авторы приходят к выводу, что основными разделяющими факторами в межконфессиональных отношениях являются «разница в содержании религиозного мировоззрения или разный предмет веры, а также различия в проведении религиозных обрядов и ритуалов» [2, с. 464], а сближает «сам акт веры как признание существования высших, сверхъестественных сил» [2, с. 464].

Литература

1. Галиева Г.И. Образовательные стратегии современных мусульманок // Ислам и исламоведение в современной России: сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума / под общ. ред. проф. М.Я. Яхьяева. – Махачкала: Алеф, 2019. – С. 452.
2. Гусева Е.С., Султанахмедова З.Г. Исследование образа мусульманина и православного у студентов Махачкалы и Самары // Ислам и исламоведение в современной России: сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума / под общ. ред. проф. М.Я. Яхьяева. – Махачкала: Алеф, 2019. – 474 с.
3. Евфимий (Моисеев) игумен. Светское религиозное образование – феномен секулярного общества // Ислам и исламоведение в современной России: сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума / под общ. ред. М.Я. Яхьяева. – Махачкала: Алеф, 2019. – 474 с.
4. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. – М.: Проспект, 2010.
5. Зaborова Е.Н., Озерова М.В. Образовательные стратегии: подходы к определению понятия и традиции исследования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 3 (116). – С. 107.
6. Леонтьев А.Н. Эволюция психики. – М., Воронеж: МПСИ, МОДЭК, 1991.
7. Муртазин М.Ф. О проблемах развития исламского образования на постсоветском пространстве // Ислам и исламоведение в современной России: сборник докладов

Всероссийского исламоведческого форума / под общ. ред. М.Я. Яхъяева. – Махачкала: Алеф, 2019. – 474 с.

8. Муслимов Э. Исламское образование в Дагестане: современное состояние и перспективы // Ислам и исламоведение в современной России: сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума / под общ. ред. М.Я. Яхъяева. – Махачкала: Алеф, 2019. – 474 с.

9. Порохнюк Е.В. Трансформация статусно-ролевых позиций современной женщины в институте семьи // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – Вып. 4 (130).

10. Российская газета. ???Под шифром 26.00.01, 2015. <https://rg.ru/2015/10/13/teologiya.html>

11. Федорова Е.Ю. «Женский вопрос» в исламе: дискурс о статусе женщины в современном исламском обществе // Философская мысль. – 2015. – № 10.

Поступила в редакцию 30 сентября 2019 г.

UDC 297.1

DOI: 10.21779/2500-1930-2019-34-3-127-134

Religious education in the mirror of the all-Russian Islamic studies forum «Islam and Islamic studies in modern Russia»

D.A. Guseanova

*Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiev, st., 43a;
guseanova03111978@yandex.ru*

The all-Russian Islamic studies forum «Islam and Islamic studies in modern Russia», organized by Dagestan state university together with the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, the Ministry of National Policy and Religious Affairs of the Republic of Dagestan, as well as the Public chamber of the Republic of Dagestan with the financial support of The Russian Foundation for basic research (Project № 19-011-20116), was held on September 27–28, 2019 in Makhachkala, timed to the 10th anniversary of the scientific journal «Islamic Studies». The problems of the forum attracted the attention of more than 150 participants from different regions of Russia and countries of near and far abroad. The forum was held in order to determine the current state of Islamic studies in Russia and the world as a whole, to attract scientific interest to the problems of Islamic studies, as well as to support professional ties and scientific interaction between researchers and research groups in Russia and abroad. Among the main directions of the forum we will note: worldview and philosophy of Islam, dogmatics and cult of Islam, Islam and Sufism, Islam and culture, Islam in the modern world and Russia, Islam and political processes in the world and Russia, sociology and anthropology of Islam, Islam and society, Islamic education in Russia.

Keywords: *religious education, secular education, Islam, madrassas, mosque schools.*

Received 30 September, 2019